

LE GRAND CAFE

Джулия Леви

Мам,
где остановилось
ВРЕМЯ

«Там, где остановилось время» — долгожданное продолжение захватывающего и предельно откровенного романа Джулии Леви «Там, где для тебя нет места».

Казалось, счастье было так близко, но измена и ложь перечеркнули все надежды Дженнифер. Лишившись всего, она вынуждена начинать все сначала: вернуться в родной дом и наладить отношения с матерью. После рождения ребенка и пережитого горя ее израненное сердце наконец обретает покой и гармонию. Но очень скоро Дженни будет вынуждена потревожить старые раны, вернувшись в город больших возможностей и больших разочарований — в Нью-Йорк. Туда, где она снова встретится со своим прошлым, туда, где для нее остановилось время...

Содержание

Глава 1.....	0005
Глава 2.....	0016
Глава 3.....	0021
Глава 4.....	0030
Глава 5.....	0036
Глава 6.....	0046
Глава 7.....	0050
Глава 8.....	0058
Глава 9.....	0064
Глава 10.....	0068
Глава 11.....	0093
Глава 12.....	0101
Глава 13.....	0118
ТОРЖЕСТВО.....	0120

Джулия Леви
ТАМ, ГДЕ ОСТАНОВИЛОСЬ ВРЕМЯ

Глава 1

С вами когда-нибудь случалось, что ваши чувства были растоптаны, а обида была настолько велика, что вы клялись самим себе ни при каких обстоятельствах, никогда и ни за что не прощать близкого и любимого человека? Из всех чувств больше всего разочарование. Но вот парадокс: проходит время — и боль обиды и ненависть становятся такими мелкими и несущественными, что вам даже жаль тех людей, которые когда-то причинили вам боль.

«Здесь давно не сажали цветов. Земля совсем неухоженная. И газон выглядит очень неопрятным. Тропинка заросла, краска на доме облупилась, вид крайне запущенный. Может, тут уже никто не живет?» — подумала Дженни, подходя к дому, где прошли её радостное детство и не совсем веселая юность. Она поднялась на веранду, еще раз осмотрела себя и, убедившись, что выглядит вполне прилично в джинсовом комбинезоне, обтягивающей полосатой толстовке и стоптанных кроссовках, робко нажала на кнопку старого звонка.

Усталость после утомительной дороги все больше сказывалась: неприятно потягивало в пояснице. Дженни мечтала лишь об одном — быстрее принять горизонтальное положение и хотя бы немного отдохнуть. Нажав на кнопку звонка еще раз, она стала ждать в надежде, что ей все же откроют.

— Здравствуйте, — взволнованно произнесла Дженни, когда ей открыли. На пороге ее встретила пожилая женщина, одетая в белоснежную облегаю-

щую блузку с глубоким декольте и черные брюки, выгодно подчеркивающие её стройную фигуру.

— Здравствуйте, — ответила женщина, удивившись нежданной гостье. Несмотря на преклонный возраст, она казалась очень подтянутой и держалась вполне уверенно. Её удивленный взгляд и снисходительная улыбка даже несколько озадачили Дженни.

— Можно войти? Я когда-то жила здесь. Вот приехала навестить Андреа. Я её дочь. Случайно узнала, что мама очень больна. А вы, наверное, сиделка? Хотя нет, для сиделки вы слишком...

— Старая? — предположила женщина.

— Да. Извините.

— Не извиняйся, деточка. Я действительно мало подхожу на роль сиделки. Но поверь: когда болен очень близкий тебе человек, сил хватит даже такому сушеному сухарю, как мне. Проходи, — ответила женщина, приглашая Дженни в холл. — Я Ванесса. Может, помнишь меня? — поправив большие очки на худощавом морщинистом лице, женщина замерла на мгновение в надежде, что Дженни её вспомнит. Не отводя глаз, она взволнованно провела рукой по гладко зачесанным седым волосам и так ласково улыбнулась, что Дженни удивилась ещё больше, как быстро Ванесса сменила внешнюю сдержанность на доброжелательность.

— Ванесса? Да, припоминаю, но очень смутно, — сдвинув брови, Дженни попыталась воспроизвести все детали далекого детства.

— А ты Дженни, верно?

— Да, — удивилась та и в ту же секунду воскликнула: — Вы моя бабушка?!

— Да, милая, я твоя бабушка, — расплакавшись, выдавила Ванесса.

Бросив сумку на пол, Дженни не раздумывая бросилась к ней и так крепко обняла, что у обоих даже захватило дух, но они были бесконечно счастливы снова встретиться через столько лет, несмотря на грустные обстоятельства.

— Как мама? — шмыгая носом, спросила Дженни.

— Как тебе сказать... Стабильно тяжело. Хуже ей не становится, уже хорошо. Ох, что я вижу! Да ты в положении! На каком ты сроке, дорогая?

— Скоро пять месяцев, — поглаживая живот, улыбнулась Дженни.

Следуя в гостиную в обнимку с Ванессой, Дженни вдруг поймала себя на мысли, что, снова очутившись дома, она совершенно не ностальгирует по нему. Ей все казалось сейчас чужим и бездушным. Вытертый красный ковер в гостиной, как и прежде, лежал посреди комнаты, на своем привычном месте. Горшки с цветами стояли в том же порядке на подоконнике, как и при ней. Картины, нарисованные Андреа, со временем поблекли и уже не представляли ни малейшего интереса, книжные полки с любимыми книгами казались теперь такими пыльными, что их вряд ли можно было очистить. Правда, Дженни почувствовала: что-то все-таки изменилось. «Точно, к двум выцветшим креслам и дивану бледно-лимонного цвета добавилась ещё пара больших плетеных, которые совсем не подходят для такой маленькой гостиной. Ремонт в доме, видимо, не делали с тех пор, как я сбежала».

Присев на краешек дивана, Дженни было засомневалась, правильно ли сделала, что приехала.

Как встретит её мать? В каком вообще состоянии Андреа? И что она забыла здесь, в совершенно чужом теперь для неё доме? «Нет, я не должна так думать. Это дом моих родителей, а значит, и мой дом, я не должна сомневаться. Я все правильно сделала. По крайней мере, я снова встретилась с Ванессой и встрелась с мамой. Теперь я не одна!»

Мысли Дженни прервала Ванесса. Улыбаясь сквозь слезы, она осторожно вошла в гостиную, держа трясущимися руками поднос с белым фарфоровым чайником, чашками и розовой вазочкой с имбирными пряниками.

— Бабушка, давай я помогу, — Дженни тут же вскочила, забирая поднос. Поставив его на старый журнальный столик с зеркальной поверхностью, Дженни разлила по чашкам теплый чай и подала одну из чашек Ванессе.

— Спасибо, дорогая. Зови меня просто Ванессой. Не хочется чувствовать себя уж совсем старой, — улыбнулась она, глядя на Дженни. — Ты, наверное, не любишь теплый чай? Извини, но если честно, я предпочитаю именно такой. Только так можно насладиться этим потрясающим напитком.

— Да? — искренне удивилась Дженни, но спорить не стала, и они молча приступили к чаепитию.

— Ну как? Теперь нравится? — через некоторое время спросила Ванесса, причмокивая от удовольствия.

— Да, очень. Спасибо, — соврала Дженни, не желая расстраивать Ванессу. Дженни вообще не любила чай, но, будучи по природе очень вежливой, выпила всю чашку.

— Этот чай мне привез с Цейлона один старинный друг. Сорт называется «Нувара-Элия». Его ещё именуют «цейлонским шампанским», и я полностью согласна с таким определением. Я завариваю его только в особых случаях, — Ванесса сделала ударение на последних словах. — Ах, какой аромат! Ты чувствуешь, какой он насыщенный и вместе с тем очень мягкий? Даже то, что он немного вяжет, не отнимает его тонкого и такого богатого, благородного вкуса! М-м-м, все-таки чай — это самый превосходный напиток на свете! — мечтательно проворковала Ванесса, закатывая бледно-голубые глаза к потолку.

— Точно, — закивала Дженни, улыбаясь тому, как Ванесса восхищалась вполне обычным, по её мнению, вкусом. Почувствовав вдруг подступившую тошноту, она постаралась отвлечься, внимательно слушая пожилую женщину, которая начала рассказывать о том, как она жила все эти годы, о своих взлетах и падениях, горестях и радостях.

— Ванесса, почему вы с мамой перестали общаться? — неожиданно даже для себя спросила Дженни.

— Ох, детка, даже не знаю, — грустно ответила Ванесса. Немного помедлив, она продолжила: — Наверное, это моя вина. Я всегда была очень строга с дочерью. Все за нее решала: что хорошо для нее, а что нет. Когда Андреа была маленькая, только я выбирала для неё платья и туфельки. Когда пришло время идти в школу, именно я выбрала, где она будет учиться. Даже художественную школу выбирала я, — сообщила Ванесса, относя это к своим заслугам. — Роджер, твой дед, был вечно занят, — недовольно фыркнула она, стряхивая с брюк крошки

пряника. — Когда выбирали институт, последнее слово также осталось за мной. Даже с кем из мальчиков ей дружить, тоже решала я. Ох, сколько у неё было женихов! А мне ни один не нравился. Однажды у Андреа разболелся зуб. Представляешь, она назло мне отправилась в первую попавшуюся клинику! Так она познакомилась с Мэттом, твоим отцом. У них завязался страстный, но, увы, мимолетный роман. Он был очень хорошим врачом. Такой красивый, добрый парень. Как он умел ухаживать! — Ванесса замолчала на мгновение, что-то мучительно вспоминая. — Она ведь не хотела выходить замуж за твоего отца, — произнесла Ванесса, печально посмотрев на Дженни. — Это я её заставила. А что в итоге? Она вышла замуж без любви. Я видела, как она страдает, видела, как тяготил ее этот брак. Ругала её, заставляя выкинуть всю блажь из головы. Когда ты родилась, Андреа вынудила Мэтта переехать на край света, подальше от меня. Она даже отца не послушала. Вы приезжали к нам только на семейные праздники. И я каждый раз уговаривала её вернуться домой, в Нью-Йорк. Андреа сначала отшучивалась и не реагировала на мои упреки, но чем дальше, тем становилось только хуже, я это чувствовала. Каждый раз, когда мы встречались, я пыталась убедить дочь быть мягче с Мэттом, упрекала, что она неправильно себя ведет. Наши встречи всегда заканчивались ссорой и вашим немедленным отъездом. Вы стали все реже приезжать к нам, — Ванесса снова о чем-то задумалась, печально глядя в дверной проем. — Помню, однажды вы все вместе приехали к нам на день Благодарения. Это был такой чудесный день! Так было радостно снова встре-

титься. Мы смеялись, рассказывали разные истории, приносили тосты. Незаметно... я даже не помню, с чего все началось... А, да, я снова не удержалась и сделала замечание Андреа за то, что она грубо одергивала Мэтта: он каждую секунду пользовался салфеткой, а Андреа это страшно раздражало. Она только фыркнула на мое замечание и так посмотрела на меня... Чтобы сгладить ситуацию, я решила поддержать его и полушутя намекнула, что ей как жене и матери надо лучше следить за собой, а то такой красивый мужчина может обратить внимание на другую. Тогда мы и поссорились, да так, что Андреа перестала появляться и Мэтту запретила привозить тебя. Я долго звонила. Роджер даже ездил к вам и долго уговаривал дочь помириться и вернуться. Я тоже пыталась помириться, но Андреа была непреклонна. Ох, Дженни, как все просто и в то же время как бывает сложно! Так сложно, что даже жизни может не хватить, чтобы все исправить и вернуть. Деточка, будь добра, подай мне вон ту шкапу на комод. Там лекарства. Что-то я разволновалась, — шумно выдохнула Ванесса, принимая из рук Дженни маленькую деревянную коробочку.

— Давно ты здесь? — спросила Дженни, поставив чашку с блюдцем на поднос.

— Два года уже, — погруженная в свои воспоминания, не сразу ответила Ванесса. — Я хотела перевезти Андреа к себе в Нью-Йорк, но врач запретил, объяснил это тем, что она не выдержит переезда. Вот поэтому и приходится торчать здесь, в этом маленьком городишке, в этом полузаброшенном доме. На все сил не хватает, да и времени тоже. Я практически не отхожу от Андреа. Расскажи теперь, как ты

жила все эти годы? Почему сбежала из родного дома? Я пыталась выспросить у Андреа причину твоего поступка, но она молчит, ни слова не говорит мне. Кстати, деточка, почему ты приехала одна, где твой муж? — Ванесса проникновенно посмотрела на Дженни, отчего ту даже передернуло. Тягостно сглотнув большой ком, Дженни некоторое время собиралась с духом, мучительно решая, о чем конкретно рассказать Ванессе. «Опустить неприятные моменты из своей жизни или поведать обо всем, как есть?» Прикинув все за и против, она решила: для того чтобы Ванесса поняла истинную причину ее бегства из дома, ей придется рассказать всю правду, ничего не скрывая и не сглаживая ни одного неприятного момента. «Пусть уж лучше Ванесса все узнает от меня, чем от посторонних людей».

Откинувшись на спинку дивана, Дженни закрыла глаза — и первое, что она вспомнила, это дикий страх при появлении в их доме Айка. Рассказывать, почему она сбежала из дома, как попала в Нью-Йорк, как познакомилась с Билли, который принудил её к проституции, было невероятно сложно. Несколько раз Дженни закрывала лицо руками и плакала. Даже спустя много лет ей было ужасно стыдно и больно. Вновь ощутив омерзение, граничащее с помешательством, Дженни поспешила перейти к более приятным воспоминаниям, продолжив рассказ о том, как она познакомилась с Мадлен, как стала работать в центре. Она по-доброму вспомнила о Брендоне, называя его настоящим другом. Ванесса не отрывала взгляда от внучки. Она то и дело охала, сдвигала брови, хваталась за успокоительные лекарства и, с облегчением выдыхая, радостно прижима-

ла руки к груди. Когда очередь дошла до Дэниела, Дженни зажмурилась и несколько минут не могла произнести ни слова.

— Почему ты замолчала? Кто такой этот Дэниел? — осторожно спросила Ванесса.

— Отец ребенка, — тихо ответила Дженни, печально поднимая глаза на Ванессу. Скрывать, кто такой Дэниел, смысла не было. Вытерев краем салфетки выступившие крупными горошинами слезы, Дженни принялась рассказывать историю знакомства с женщиной, которого до сих пор была не в силах забыть, который, несмотря на жестокое предательство, все же продолжал её волновать.

— О боже! Девочка ты моя несчастная, сколько же испытаний и горестей выпало на твою долю! Как печально, что вы расстались, как печально, что нельзя вернуть время вспять. Конечно, не мне судить, но, по-моему, вы оба были неправы. Мне очень жаль, что все это время мы были с тобой вдалеке друг от друга и в то же время очень близко. Если бы я знала, что ты живешь в Нью-Йорке, я обязательно помогла бы тебе. Я живу в западной части Манхэттена — в Гринвич-Виллидж, на Гроув-стрит. Как я люблю это место! Оно такое уютное, такое тихое. Представляешь: местные продавцы знают всех нас, старых жителей этого района, по именам! Сначала меня это удивляло и настораживало, а потом я привыкла. Напротив моего дома находится самое замечательное кафе в мире! Там продают самые вкусные, самые потрясающие пирожные от Магнолии Бейкери. Ты знаешь, я объездила много стран — и, уж поверь мне на слово, где бы я ни покупала для сравнения пирожные, лучше, чем у Магнолии, ни-

где нет!

«Ванесса рассказывает это с таким азартом, как будто она рекламный агент, продвигающий свой товар!» — подумала Дженни, с нежностью глядя на Ванессу.

— У нас вообще очень много уютных кафе. Я специально хожу туда, занимаю свое местечко и наблюдаю за приходящими туда молодыми девушками и юношами и, ты знаешь, даже набираюсь сил и бодрости, когда вижу, как они радуются жизни, смеются, как они влюблены. Они вдохновляют меня! Ой, Дженни, я совсем заболтала тебя, извини, дорогая, что отвлеклась. Так что ты теперь намерена делать? — спросила Ванесса.

— Я вернулась домой. Мое место теперь здесь, рядом с вами.

— А ребенок?

— Я оставлю ребенка, иначе и быть не может, — уверенно ответила Дженни.

— Вот и славно! Значит, скоро у меня родится правнук или правнучка! Какое это счастье! — скрепив ладони на груди, радостно воскликнула Ванесса. Одобрительно похлопав внучку по плечу, Ванесса, вдруг спохватившись, спросила:

— Ты, наверное, хочешь сейчас подняться к Андреа и поприветствовать её?

— Да, было бы неплохо, — тихо ответила Дженни, чувствуя, как от волнения ладони становятся липкими. Чтобы побороть тягостное чувство страха и вины перед больной матерью, Дженни решила не откладывая до вечера встречу и подняться, даже несмотря на сильную усталость. Она уже приготовилась к самому худшему, хотя до последней секунды

надеялась, что дела матери не так безнадежны.

— Я сразу хочу предупредить тебя, милая. Андреа понимает, что происходит, но не говорит и практически не двигается. А теперь пойдём, — Ванесса обняла Дженни за плечи и, прижав её к себе, медленно направились с ней на второй этаж, в спальную Андреа.

Подойдя к лестнице, Дженни на мгновение остановилась, специально пропуская вперед Ванессу. Сглотнув подступивший к горлу ком, она громко выдохнула и решительно сделала первый шаг.

Глава 2

Спальная, выходящая окнами на южную сторону, была освещена ярким весенним солнцем. Андреа неподвижно лежала на высокой кровати и смотрела в окно. Услышав посторонние звуки, она повернула голову и, широко раскрыв испуганные глаза, уставилась на открывающуюся дверь. В комнату вслед за Ванессой робко вошла Дженни. У Андреа от увиденной картины заметно участилось дыхание, щеки покраснели, выступившие слезы застилали глаза, тонкой ниточкой стекая по худым морщинистым щекам, но это нисколько не мешало ей. Не отрывая глаз, она рассматривала такую красивую и уже совсем повзрослевшую дочь.

«Боже! Мамочка! Как же ты изменилась! Какая же ты стала. Ты лежишь сейчас такая беспомощная и такая потерянная. Я помню, какой ты была сильной и уверенной, и вдруг ты даже слова не можешь произнести!»

— Ванесса, а она понимает, кто я? — повернувшись, дрожащим голосом спросила Дженни.

— Конечно. Она часто вспоминает о тебе. Подойди ближе, смотри, как она разволновалась, даже испарина на лбу выступила, — тихо произнесла Ванесса, заботливо вытирая платком с лица Андреа слезы и пот. — Андреа, смотри, дорогая, к нам Дженни приехала. Ты рада? Конечно же, рада, по-другому и быть не может. Тише, тише. Не волнуйся слишком сильно, дорогая. Что? Что ты хочешь? Тебе блокнот подать? — Ванесса уловила сигнал от Андреа и, повернувшись к комоду, вынула блокнот и ручку. Подсунув все дочери под руку, женщина стала быстро

нажимать на рычаг кровати, чтобы немного изменить её положение.

— Мама, здравствуй, — прошептала Дженни, сдерживая слезы. Она старалась оставаться спокойной, но мелкая дрожь выдавала все переполнявшие её эмоции. Сил произнести что-то ещё совсем не было. Дженни смотрела на мать и никак не могла поверить, что такая уверенная, гордая женщина теперь была абсолютно беспомощна. Слезы, не удержавшись, стали падать одна за другой на белоснежное покрывало, и Дженни, не в силах больше подавлять свои чувства, расплакалась в голос, забыв всю многолетнюю обиду и неприязнь к матери. Она вдруг ясно осознала, насколько тяжело сейчас Андреа.

Не отрывая глаз от дочери, Андреа что-то нацарапала и, выбившись из сил, сразу обмякла, тяжело опустив веки. Смахнув слезы, Дженни осторожно вытащила из-под руки Андреа блокнот и, прочитав одно-единственное слово «Прости», разрыдалась с новой силой. Снова бросившись к матери, она стала с такой силой осыпать Андреа поцелуями, что даже испугалась, не причинит ли ей вред. Шепча на ухо, Дженни тоже просила у матери прощение за все. Ненависть, мучившая её столько лет, испарилась вмиг, осталась лишь вина, что она бросила Андреа, что ни разу не поинтересовалась, как живет родной ей человек.

— Мапочка! Мапочка, ты тоже прости меня за все! Прости! Прости меня, — снова и снова повторяла Дженни, рыдая на груди у матери. Ванесса, наблюдавшая за ними в стороне, тихо всхлипывала и благодарила Бога, что ссоры и непонимание, разлу-

чившие их на целую вечность, теперь в прошлом, что Дженни искренне просила прощения, хотя, по сути, ни в чем не была виновата. Она благодарила Бога за то, что вновь обрела дочь и внучку и так неожиданно станет прабабушкой.

Заметив, как подействовала на Андреа встреча с Дженни после долгой разлуки, Ванесса решила, что для начала будет достаточно и, осторожно подойдя к кровати, достала из комода шприц, лекарство и сделала больной успокаивающий укол.

— Думаю, на сегодня достаточно с неё и с тебя эмоциональных переживаний. Отложим общение до завтра. Иди. Тебе тоже надо отдохнуть после утомительной поездки. Через два часа будем обедать. К нам приходит миссис Салливан, она помогает мне по хозяйству. Ох, как вкусно она готовит! Тебе понравится, уверяю. Особенно вкусно у неё получают-ся свиные ребрышки, — улыбнувшись, заметила Ванесса.

Кивнув в знак согласия, Дженни молча обошла кровать и с искренней благодарностью молча обняла Ванессу.

— Иди, отдыхай, а я посижу с ней, — тихо сказала Ванесса, ласково проводя ладонью по волосам Андреа. Уже выходя из комнаты, Дженни обернулась и, посмотрев на самых близких сейчас для неё людей, подумала, что правильно сделала, приехав домой.

Выйдя из комнаты Андреа, Дженни некоторое время стояла в коридоре и печально смотрела на комнату напротив. «Собственно, какая разница, моя это комната или нет? Я дома, а остальное уже не имеет никакого значения».

С трепетом и некоторым волнением открывая дверь своей бывшей детской комнаты, Дженни искренне удивилась, обнаружив, что все её вещи, одежда, мебель стояли и висели так же, как и при ней. Любимая гитара, как и прежде, одиноко ждала её в углу. Несколько пар цветных кед стояли в ряд под кроватью, их белые носы выглядывали из-под серого покрывала. Цветные фонарики, сделанные ею из бумаги, как и раньше, висели под потолком. Мягкие игрушки терпеливо ждали свою хозяйку на кровати, прислонившись к стене. В комнате была идеальная чистота, лишь одежда, которую Дженни разбросала перед бегством, аккуратно лежала на кровати, как будто была приготовлены на случай, если она захочет её надеть. «Мама, видимо, долго ждала, что я вернусь. Интересно, кто теперь следит за чистотой в комнате? Явно не Андреа, остается Ванесса», — подумала Дженни, с удовольствием скидывая с себя одежду. Вынув из шкафа легкий махровый халат бирюзового цвета, она с удивлением обнаружила, что он до сих пор ей впору. «Даже подол кто-то подшил. Может, тоже Ванесса? Мама и иголку-то в руки никогда не брала». Завязывая пояс на халате, Дженни снова ощутила легкие толчки в правом боку. Улыбнувшись приятным ощущениям, она обернулась к зеркалу, прикрепленному к комоду, и, распахнув халат, с любовью погладила выступающий животик. С безграничной нежностью к своему будущему ребенку Дженни осторожно обвела пальцами выступающий бугорок и, снова запахнув халат, поплелась в ванную.

Вскоре Дженни вернулась в свою комнату и,

плюхнувшись на кровать, даже не заметила, как заснула. Видимо, сказались длительное путешествие и эмоционально изматывающая встреча с Ванессой и Андреа.

Проснулась Дженни только под вечер. Яркое желто-оранжевое солнце с оттенками красного уже спешило спрятаться и лишь наполовину выглядывало из-за горизонта. Откуда-то доносилось звонкое чириканье маленьких птичек, было немного жарко. Лежа на кровати, Дженни улыбнулась голосам пробегающей мимо её дома местной детворы. Вот остановилась машина, послышались веселые голоса соседей. Не сразу сообразив, который час, Дженни взяла с прикроватной полки сотовый телефон и, продрав глаза, стала всматриваться. Gresso показывали двадцать часов. Ощувив вдруг дикий голод, Дженни поторопилась вниз на кухню.

«Ванесса, наверное, рассердилась, что я проспала обед, но я была так вымотана всеми событиями. Боже, как же хочется есть!»

Заглянув в гостиную, Дженни застала Ванессу в прекрасном настроении за вязанием. «Слава богу, значит, ворчать не будет...»

Глава 3

— Извини, что проспала обед, — осторожно произнесла Дженни, присаживаясь на краешек дивана.

— О! Не переживай, дорогая. Я же все понимаю. Ты так устала с дороги. Тем более в твоём положении это неудивительно. Помню, когда я была беременна Андреа, меня все время тошнило и хотелось спать. Я ходила худая как спичка и бледная, — Ванесса вытянула лицо и, вдавив щеки, закатила глаза, комично изображая себя во время беременности. — Ты наверняка голодна, я оставила тебе порцию там, на плите.

— Спасибо. Умираю от голода, — Дженни долго уговаривать не пришлось. — Что ты вяжешь? — заинтересовалась она, направляясь на кухню.

— Я вяжу пинетки для моего будущего правнука или правнучки, — весело ответила Ванесса.

— А как же цвет? — громко спросила Дженни из кухни.

— Не беспокойся, дорогая, я свяжу желтенькие и зеленые, они подойдут и для девочки, и для мальчика, — успокоила Ванесса будущую мамочку.

В предвкушении вкусного сытного ужина Дженни, глотая слюнки, наложила себе изрядную порцию ребрышек и салат и налила стакан холодного молока. Удобно устроившись за круглым белым столом и подвинув поближе мягкий стул, Дженни с удовольствием приступила к ужину и в считанные минуты все уплела, оставив лишь несколько косточек на тарелке.

— Ну как? Понравились ребрышки? — спросила Ванесса, когда Дженни, шумно выпуская воздух, сно-

ва уселась на диване напротив Ванессы.

— О да! Они действительно необычайно вкусные. Миссис Салливан большое спасибо. Ванесса, ты не возражаешь, если я прогуляюсь немного? Врач рекомендовал мне больше гулять.

— Конечно, дорогая. Иди проветрись. Только прошу: не задерживайся, не забывай, что ты в положении. Да и я лишний раз переживать не хочу. А когда вернешься, сможешь зайти к Андреа, если захочешь, — предложила Ванесса, поглядывая на Дженни поверх очков. — Она очень просила, чтобы я тебя привела. Я ей немного рассказала о тебе. Но остальное, думаю, ты расскажешь сама, если сочтёшь нужным, — добавила Ванесса, ожидая, что на это ответит Дженни.

— Хорошо. С удовольствием зайду пожелать Андреа спокойной ночи, — уклончиво ответила Дженни, не зная, захочется ли ей сразу рассказывать матери обо все горестях и несчастьях, которые случились с ней в Нью-Йорке. «Но, с другой стороны, почему бы и не рассказать? Ведь это из-за неё я сбежала, из-за неё я попала в неприятности. Да, но тогда я бы не познакомилась с Мадлен. И конечно же, не познакомилась бы с Дэниелом. Боже! Дэниел! Зачем я связалась с тобой? Я должна была держать тебя на расстоянии от себя и самой держаться подальше. Я так хочу забыть тебя! Я должна забыть! Я должна с корнем вырвать все воспоминания, связанные с тобой. Хотя кого я обманываю?! Я все ещё продолжаю тебя любить. Вот же гад, но как в душу мне запал! Я не должна прощать его. Он трахался у меня на глазах с... Скотина, скотина! Ненавижу его, ненавижу, ненавижу!»

Бурча себе под нос, Дженни вышла на улицу и, не имея особого плана для вечерней прогулки, решила просто пройтись вдоль соседних домов.

— Дженни? — вдруг окликнул её приятный мужской голос. — Это ты? О боже! Это действительно ты!

Обернувшись, Дженни с искренним удивлением уставилась на молодого элегантно одетого мужчину, который шел ей навстречу и широко улыбался.

— Бакстер? Ты?

— Ага. Привет. Давно не виделись, — светясь от счастья вновь встретиться со своей давней любовью, Бакстер внимательно разглядывал Дженни, отмечая про себя, что она стала ещё прекрасней, чем раньше. — Как поживаешь, Дженни?

— Привет. Да как тебе сказать. Неплохо, — уклончиво ответила Дженни. «Надо же, с момента нашего последнего разговора он стал вполне себе привлекательным мужчиной, а не тем прыщавым подростком, вечно шмыгающим носом».

Чувствуя, как щеки начинают пылать от пристального взгляда Бакстера, Дженни опустила голову и стала так усердно рассматривать точки на своих леопардовых ботинках, которые когда-то ей подарил Дэниел, что не сразу расслышала следующий вопрос.

— Я вижу, совсем неплохо! Ты с мужем приехала? — насторожился Бакстер.

— Что?

— Я говорю: с мужем приехала?

— Нет, я одна приехала. А ты все здесь живешь или родителей приехал навестить?

— Нет, я здесь живу. Работаю стоматологом. У ме-

ня частная практика. Дело отца взял в свои руки, как говорится, — хмыкнул Бакстер. — А ты сюда на время или как? Где теперь живешь?

— Жила в Нью-Йорке. Теперь буду жить здесь, наверное.

— В Нью-Йорке? Круто! А почему буду? А как же муж?

— Бакстер, ты такой же любопытный, как и прежде. Нет у меня никакого мужа. Понятно?

— Конечно, понятно. Тогда, может, прогуляемся или еще лучше — посидим где-нибудь?

— А ты, я смотрю, смелым стал? — хмыкнула Дженни. Ей вовсе не хотелось куда-то идти, чтобы не рисоваться перед местной публикой. — Не знаю. Поздно уже. Я вышла ненадолго проветриться. Тем более я не в том положении, чтобы долго разгуливать по ночам.

— В каком это положе... Ах да, действительно, ты же беременна, — озадаченно произнес Бакстер, почесывая затылок. — Ну ладно. Это, я думаю, не помещает нам просто посидеть и поболтать. Ну пожалуйста, Дженни. Я потом обязательно провожу тебя. Я на машине.

— Ты и на машине? Шутишь? Ты же всегда боялся их?

— Боялся, но когда ты сбежала, я поклялся себе, что обязательно выучусь водить и поеду искать тебя, как только стану совершеннолетним.

— Бакстер! Ты все такой же смешной. Может, просто составишь мне компанию и мы прогуляемся до церкви?

— С удовольствием!

— А ты женат? — спросила Дженни, когда они с Бакстером неспешно пошли вдоль домов, освещенных уличными фонарями.

— Пока нет, — протянул, улыбаясь, Бакстер. — Я пытался. Честно. Но знаешь, — шепотом произнес он, наклоняясь к Дженни, — меня уже давно преследует одна девчонка. Она как заноза. Никак не могу отделаться от нее, — смутившись от признания, он на мгновение повернулся к Дженни и, заметив её любопытный взгляд, снова отвернулся, чтобы она не увидела его пылающих щёк.

— Да? Ух ты. Познакомишь? — спросила Дженни, искренне удивляясь его верности.

— Ты не поняла. Это ты, Джен, — тихо проронил Бакстер. Повернувшись к ней, он осторожно взял ее ладони в свои и несмело поднес к своим губам, понимая, что Дженни заведомо откажет ему, может, даже обидится или, того хуже, даст затрещину.

— Бакстер, — с сожалением ответила Дженни, — мне, конечно, приятно, что ты столько летохранишь мне преданность, что не забывал нашу дружбу, но ты должен, ты просто обязан понять меня. Я жду ребенка от другого мужчины, которого очень сильно любила! И, наверное, до сих пор люблю... не знаю. Я не испытываю к тебе никаких чувств, кроме дружеских. Если я соглашусь на романтические отношения, то причиню тебе боль. Но я не хочу, чтобы ты страдал! И сама не собираюсь страдать, изображая влюбленность. Я тебя не люблю! Уяснил?!

— Да, — тихо прошептал Бакстер, мотая головой.

— Зря ты столько лет думал обо мне. Давно бы женился на какой-нибудь девушке, жил бы себе счастливо и растил детишек. И, давай это... подоб-

ные темы больше обсуждать не будем. Мне пора домой, — Дженни повернула к дому, уже жалея, что вообще вышла на прогулку.

— Я провожу, — проямлил Бакстер, плетясь за Дженни.

— Как хочешь, — Дженни было жаль Бакстера, но когда представила себе на мгновение, как он целует её, обнимает или, того хуже, залезает в трусики, ей стало дурно. Она зажала рот и прибавила шагу, желая как можно быстрее с ним расстаться.

— Дженни, можно я завтра приду к вам? — извиняющимся голосом спросил Бакстер. Мотнув головой в знак согласия, Дженни не оглядываясь пробежала по заросшей дорожке домой. На пороге её уже ждала встревоженная долгим отсутствием внучки Ванесса.

— Ох, Дженни, я уже начала волноваться, где ты. Я же просила. Кстати, где ты была так долго? — настойчиво спросила Ванесса.

— Я встретила Бакстера, друга детства, мы немного прогулялись до церкви, — ответила Дженни, прислоняясь к стене. Переведя дух, она с облегчением выдохнула от отступившей тошноты и, печально улыбнувшись Ванессе, направилась было к себе.

— Дженни, Андреа спрашивала, когда ты придешь. Не хочешь подняться к ней?

— А можно?

— Конечно, дорогая! Она ждет, — ласково улыбнулась Ванесса, поправляя выбившуюся прядь волос Дженни.

— Тогда я поднимусь?

— Иди, деточка. Блокнот с ручкой в комод, — напутствовала Ванесса, провожая её глазами, полны-

ми печали и радости одновременно.

Тихо зайдя в комнату, Дженни на какое-то мгновение остановилась на пороге и с интересом наблюдала за умиротворенным лицом Андреа. Та лежала с закрытыми глазами и слушала музыку в наушниках. Осторожно, чтобы не разрушить этот момент, Дженни подошла к кровати и несколько минут продолжала рассматривать Андреа, вглядываясь в каждую морщинку на лице, как будто хотела запомнить каждую черточку любимого лица больной матери. Руки казались такими худыми и сморщенными, что Дженни снова захотелось плакать от всей этой картины.

Почувствовав, что кто-то находится рядом, Андреа вздрогнула. Она мгновенно открыла глаза и, увидев задумчивую Дженни, от неожиданности часто захлопала ресницами, было заметно, что она взволнованна. Повернув голову к комоду, стоящему справа от кровати, Андреа несколько раз подала сигнал, приподнимая брови.

— Мама? Что? Не понимаю. Что ты хочешь? Воды? Позвать Ванессу? А, блокнот? Точно. Я сейчас, — Дженни быстро открыла один из ящичков темно-вишневого дубового комода и достала блокнот с ручкой. Подложив все под руку Андреа, она присела на край кровати и стала внимательно наблюдать, как Андреа с невероятным трудом выводит каждую букву. Дженни так хотелось помочь ей, но она понимала, что усилие, которое прикладывает Андреа, заставляет работать её мышцы, а значит, и её заставляет держаться за тонкую нить жизни.

Прочитав снова слово «прости», Дженни печаль-

но посмотрела на Андреа и, опустив голову, не сразу нашлась, что ответить. Она пыталась собраться с мыслями и подобрать правильные и такие необходимые для моральной поддержки слова. «Я не знаю, что сказать. Мне так много хочется рассказать ей, но с чего начать, я пока не знаю. Надо просто начать с...»

— Мамочка, ты тоже прости меня. Я должна была навещать тебя, звонить. Я совершенно случайно узнала, что ты больна, — искренне ответила Дженни. — Я хотела спросить, но не решилась сразу этого сделать. Извини, если причину своим вопросом боль. Почему вы с Айком расстались? — Услышав этот вопрос, Андреа сильно зажмурила глаза и несколько минут никак не реагировала, и только по пульсирующей на шее жилке под тонкой полупрозрачной кожей было заметно, как тяжело ей стало от этого вопроса. Андреа несколько раз сглотнула, прежде чем открыла глаза. Когда она посмотрела на Дженни, в её взгляде было столько тоски и печали, что сердце Дженни сжалось от мысли, что Андреа, вероятно, жалеет, что сейчас Айка нет рядом. «Зря я спросила. Дернуло же меня. Может, Аик ей до сих пор дорог даже больше, чем я?»

Сильно сжимая карандаш, Андреа снова начала писать. Превозмогая себя, она несколько раз оставалась, собиралась с силами и снова писала.

«Он домогался дочери Келли Атвуд, она мне все рассказала», — прочитала Дженни.

— Где он сейчас? Ты выгнала его? Он в тюрьме? — Андреа моргнула, и Дженни поняла, что последний вопрос попал в точку. «Как ни странно, эта новость несколько меня не обрадовала и вообще не

тронула. Мне все равно».

— Мам, продолжим разговор завтра, ладно? Если захочешь, я расскажу, как жила все эти годы. А сейчас я очень устала, да и ребенок сильно толкается, мне надо отдохнуть. Доброй ночи, — ласково прошептала Дженни, целуя Андреа в щечку. Чувствуя, что Андреа хочет написать ещё что-то, Дженни снова подложила ей под руку блокнот, вложила в руку ручку. Андреа из последних сил нацарапала еще несколько слов: «Я рада, что будешь мамой и вы дома». Закрыв глаза, Андреа еле-еле улыбнулась. Счастье и покой наполнили все её существо, несмотря на сильное переутомление.

Глава 4

Дни проходили за днями. Каждое утро Дженни начиналось с того, что она поднималась в комнату к Андреа, пододвигала к кровати старое кожаное кресло темно-вишневого цвета, подкладывала под спину маленькую подушку и, удобно устроившись и накрыв своей ладонью ладонь мамы, рассказывала. Она подробно рассказывала о том, как жила все эти годы, стараясь не упустить ни одной детали. Описание мельчайших подробностей всех событий давалось Дженни с трудом. Иногда она плакала, иногда с облегчением вздыхала и улыбалась, иногда замолкала и, мечтательно глядя в окно, вспоминала что-то, ведомое только ей. Рассказывая обо всех эпизодах своей жизни, проведенных вдали от родного дома, Дженни испытывала одновременно боль и страх, надежду и счастье, радость и снова боль, но смягчать краски она не хотела, ей хотелось донести до Андреа все, что она пережила. Андреа всегда слушала дочь с закрытыми глазами. Ей было мучительно стыдно за свое безразличие. И каждый раз она плакала, сожалела и винила себя за предательство. Она ясно понимала, что никому в этой жизни, кроме дочери и матери, теперь не нужна. Только это поддерживало бедную больную женщину. Андреа чувствовала, что конец близок, и её радовало, что скоро закончатся её мучения и она больше не будет обузой. Единственным желанием Андреа было хотя бы немного полюбоваться дочерью и дожить до рождения внука или внучки. О большем она уже и не смела мечтать.

Изливая душу перед матерью, Дженни чувствова-

ла, как тяжесть прожитых лет постепенно отступает. Её душа наполнялась невероятной радостью и легкостью.

Счастье и покой пришли на смену страхам и тревогам. Андреа и Дженни с нетерпением ждали каждого утра, чтобы снова встретиться и поговорить. Общение друг с другом стало необходимостью для обеих. Андреа писала о том, как она жила, как винила себя и только себя за все, что произошло. Дженни продолжала описывать свои приключения. Они чувствовали, что их отношения вышли на какой-то другой уровень, что вся прошлая жизнь казалась теперь каким-то сном, который они смотрят со стороны.

Ванесса, наблюдавшая за возрожденными отношениями дочери и внучки, тайком плакала от радости и счастья за них. Она гордилась силой духа своих самых дорогих и любимых людей. Каждый день Ванесса благодарила Бога за то, что ей, Андреа и Дженни удалось усмирить свою гордыню и найти силы помириться и простить друг друга.

Дженни училась ухаживать за Андреа, помогала, как могла, по хозяйству Ванессе. К ним часто заглядывал Бакстер. Он был очень внимателен, никогда не задавал вопросов Дженни о её прошлой жизни, вел себя ненавязчиво и даже несколько сдержанно. Дженни ценила это и каждый день благодарила его за помощь и доброту. Она даже стала привыкать, что Бакстер всегда рядом.

Боль от расставания с Дэниелом постепенно при-

тупилась. Дженни больше не плакала по ночам в подушку. Все чувства остались там, в Нью-Йорке. Теперь каждый её день был наполнен радостью, восторгом от того, как растёт её малыш, как он толкается каждое утро и каждый вечер перед сном.

Дженни изредка звонила Мадлен и, каждый раз разговаривая с ней по телефону, в глубине души надеялась, даже не понимая, зачем ей это, что та намекнет или хотя бы обмолвится о Дэниеле. Но Мадлен ничего не говорила и не спрашивала, как будто и не существовало никогда никакого Дэниела, как будто и вовсе не было никакой истории, связанной с ним. Спрашивать Дженни тоже не решалась, она боялась, что Мадлен неправильно подумает о ней и, что самое неприятное, будет осуждать.

Незаметно подошло время родов. Это случилось ночью.

— А! О боже! Как же больно! — воскликнула спрессонья Дженни от дикой режущей боли внизу живота. Стараясь дышать ровно, она на ощупь нашла телефон на прикроватной тумбочке и судорожно стала набирать номер Бакстера.

— Алло, — сонным голосом прошептал в трубку Бакстер.

— Бак! М-м-м, Бак, у меня... ой! Как же больно! У меня, кажется, началось! О боже, как же больно! — снова выкрикнула Дженни, одной рукой зажимая рот, а другой — схватившись за низ живота. Испугавшись очередной схватки, она затаила дыхание и ждала, когда её отпустит, но боль не проходила. Дрожая от страха, Дженни откинулась на подушку и за-